

Незаметно в Федерацию пришла зима.

Экзамены в Академии оказались настоящим испытанием на прочность — чтобы удерживать планку и не терять форму, расслабляться не стоило ни на миг. Си Жун с головой ушел в учебу, да так плотно, что со временем даже перестал принимать свои таблетки. Бешеная нагрузка сполна поглощала его внутреннее безумие.

Признание Сюй Шаофэя — то, что он не собирается от него отказываться, — застало Си Жуна врасплох. За все свои восемнадцать лет он и помыслить не мог, что подобные слова впервые сорвутся с губ заклятого врага. Но даже если это обычный холодный расчет, такое сотрудничество Си Жуна вполне устраивало. Чтобы стать по-настоящему незаменимым, он трудился не покладая рук, крутясь как белка в колесе.

На его фоне сосед по комнате выглядел на редкость праздным: возился у плиты, кормил рыбок, неторопливо делал уроки — словно его вовсе не заботила приближающаяся сессия.

За прошедшие месяцы в Федерации тоже произошло немало событий.

После очередных перестановок в Совете отец Си Жуна, Си Цюань, поднялся с седьмой строчки в списке преемников на шестую. Его влияние крепло, а поддержка среди простого народа росла с каждым днем. Стремясь укрепить свои позиции, он вплотную занялся переговорами с торговыми гильдиями, надеясь продвинуть масштабную экономическую реформу. Однако купцы, привыкшие за долгие годы к вольнице на просторах Федерации, ожидаемо приняли новшества в штыки. Противостояние затянулось с самого момента его назначения. Судя по всему, из-за навалившихся дел Си Цюань в этом году не вернется на праздники в звездный сектор Надэ.

К тому же новый член Совета получил свое кресло в обход традиционных правил, по которым новичкам полагалось начинать с десятого места. Лу Юнь как раз занимала десятую строчку и должна была подняться выше после планового ухода на покой четвертого советника, однако новоприбывший наглец попросту перешагнул через нее, заняв девятую позицию.

Лу Юнь сидела в своем кабинете, прислушиваясь к суеде в коридоре, где служащие спешно перетаскивали коробки с канцелярией для нового назначенца. От бессильной злости она так крепко сжала кулаки, что ногти впились в ладони до крови. Если бы не этот тупица Хэ Линьчжи, она давно бы праздновала триумф!

Около месяца назад Хэ Линьчжи собственноручно выложил в Сеть разоблачительное видео. С плакатом «Верните мне справедливость» в руках он во всех красках расписал, сколько лет верой и правдой служил Лу Юнь, как рисковал головой ради ее карьеры и как безжалостно она выбросила его на обочину, едва он стал не нужен.

Лу Юнь всегда позиционировала себя как независимая Омега, в одиночку воспитывающая сына-Альфю (о личности отца которого никто не имел ни малейшего представления). Подобный образ сильной женщины снискал ей огромную популярность и поддержку среди других Омег, а

солидный список достижений на госслужбе делал ее продвижение в Совете вопросом времени. Большинство обывателей искренне восхищались ею, считая её выдающейся женщиной, пожертвовавшей личным счастьем ради общего блага. Но откровения Хэ Линьчжи в один миг сорвали эту благообразную маску.

Омег в Федерации становилось все меньше, из-за чего множество Альф оставались без пары. Им, как и всем остальным, требовалось успокаивающее воздействие феромонов. Этим Лу Юнь без зазрения совести и пользовалась, превращая жаждущих ласки Альф в послушных марионеток. Справился с заданием — получи порцию заветных феромонов.

Разумеется, скандальную запись быстро стерли из виртуального пространства, но жадная до пикантных подробностей толпа не упустила редкую возможность обсудить грязное белье высокопоставленной чиновницы. Политическому ведомству пришлось спешно спасти лицо Совета. Огласку замяли официальной версией: якобы Хэ Линьчжи — бывший ухажер Лу Юнь, который состряпал фальшивку из мести за отвергнутое предложение руки и сердца. Клеветника оперативно упрятали за решетку, пообещав наказать по всей строгости закона.

Репутацию Лу Юнь кое-как подлатали, но пятно на ее чести осталось навсегда. Коллеги по Совету прекрасно понимали: путь вверх для нее теперь закрыт. Это было негласное, но недвусмысленное предупреждение.

Лу Юнь шумно выдохнула, с трудом сдерживая kloкочущую ярость. Нужно готовить ответный удар, и на этот раз — сокрушительный.

Накануне экзаменов Си Жун передал текущие дела Яо Чжэню и с головой ушел в конспекты.

Студенческий форум бурлил новостями, но имя Си Жуна всплывало на его страницах все реже, что не могло его не радовать. Он, конечно, замечал назойливые темы с шипперскими пейрингами, но модерировал их так же безжалостно, как и раньше. Со временем он даже как-то поутих: пока доморощенные писательницы фанфиков не лезли к нему лично, можно было просто закрыть на их художества глаза.

В комнате общежития лениво плавали рыбки. Мягкий свет аквариумной лампы отражался в глазах черноволосого Альфы, окрашивая их радужку в теплый, карамельный оттенок. Сюй Шаофэй легонько постукивал длинными пальцами по стеклу, не скрывая довольной улыбки.

Ему только что прислали сообщение: Лу Юнь с треском провалила продвижение по службе. Очевидно, последствия недавней истории ударили по ней со всей силы.

Сюй Шаофэй до сих пор отчетливо помнил, с какой ледяной уверенностью Си Жун тогда заявил:

— Мы договаривались. С этим типом я разберусь сам и заставлю его выдать заказчика.

Каким образом Си Жун укротил строптивого Хэ Линьчжи, оставалось загадкой, но Сюй Шаофэй находил в этой таинственности особое очарование. Он не ожидал от Омеги столь хирургически точной и вместе с тем жесткой контратаки. Действовать напролом, но без лишнего шума — Сюй Шаофэю определенно нравился такой подход.

Раньше Си Жун казался ему лишь наглым, заносчивым выскочкой, не ведающим границ дозволенного. Но за месяцы близкого общения Сюй Шаофэй разглядел, насколько этот парень глубок и неоднозначен. Си Жун потрясающе умел лавировать в меняющихся обстоятельствах. Он хладнокровно взвешивал имеющиеся козыри, выжимая из них максимум пользы, и прекрасно осознавал меру своих сил — именно поэтому тогда, при первой сделке, он держался на равных и даже бровью не повел. Умудряться при такой бешеной нагрузке держать под контролем абсолютно все: и учебу, и обязанности в студенческом совете, да еще и разработку концептов боевых мех — подобная многозадачность вызывала у Сюй Шаофэя искреннее уважение.

Из динамиков донесся негромкий голос диктора новостей — подоспели официальные результаты расследования дела о перебежчике из Империи Роз. В репортаже говорилось, что тамошний Исследовательский институт сверхспособностей находится на грани развала. Якобы из-за чудовищных и бесчеловечных экспериментов, инициированных лично Его Величеством Уиллом, один из ведущих ученых отказался участвовать в этом кошунстве и бежал в Федерацию в поисках политического убежища. В эфире проникновенно цитировали его слова о восхищении идеалами свободы и равенства, царящими здесь, и о ненависти к закоренелому кастовому строю Империи. И хотя беглец понимал, что Федерация вряд ли примет его с распростертыми объятиями, он выражал готовность искупить вину, послужив на благо новой родине.

Переступив порог комнаты, Си Жун застал соседа именно в тот момент, когда тот с хмурым, преисполненным вселенской скорби видом гипнотизировал взглядом аквариум.

«М-да, только такое выражение лица ему и идет», — скептически отметил про себя Си Жун.

Однако стоило Сюй Шаофэю заметить его появление, как маска глубоких раздумий мгновенно слетела, сменившись лучезарной улыбкой. В этот миг он стал поразительно похож на преданного пса, который весь день уныло сидел у двери и теперь бурно радовался возвращению хозяина.

К собственному удивлению, Си Жун не почувствовал привычного раздражения. Напротив, улыбка Сюй Шаофэя показалась ему даже симпатичной — во всяком случае, теперь этот парень раздражал его куда меньше прежнего.

Дослушав репортаж до конца, Си Жун мысленно усмехнулся: надо же, Политическое ведомство довело дело до логического финала с завидной дотошностью. Чтобы выжать из ценного кадра максимум пользы, они состряпали для доверчивой публики благородную

сказочку, обосновав его присутствие в Федерации высшими гуманитарными мотивами.

— Сверхспособности... они и правда существуют? — негромко спросил Си Жун, нарушив тишину.

Два высокоранговых существа посмотрели друг на друга, но развивать тему не стали. У Сюй Шаофэй уже имелись кое-какие сведения из закрытых каналов, однако все они носили характер неподтвержденных слухов. Он решил придержать их при себе, пока не появятся весомые доказательства.

Пока диктор зачитывал следующую новость, Си Жун подошел к аквариуму и с любопытством понаблюдавал за подросшими мальками.

— А что ты будешь делать с рыбами на каникулах?

— Здесь установлены автокормушка и система самоочистки, — успокоил его Сюй Шаофэй. — Так что не пропадут.

— Понятно.

Поскольку Си Жун за все время даже пальцем к аквариуму не прикоснулся, подобные технические тонкости были для него в новинку.

Он уже собирался устроиться за письменным столом, чтобы вернуться к тестам, когда Сюй Шаофэй внезапно спросил:

— Как насчет того, чтобы поехать со мной на каникулы в Восьмой звездный сектор?

— Да, давай.

Си Жун прекрасно понимал мотивы этого приглашения. Сюй Шаофэй жаждал свести его с местными конструкторами, рассчитывая, что они поделятся опытом. Впрочем, перед этим стоило продемонстрировать встречную вежливость.

— Может, сначала заглянем в мою мастерскую?

«Личная мастерская Вайолета?!»

Сюй Шаофэй не сумел сдержать вспыхнувшего восторга:

— Мне правда можно?

Лицо Альфы прямо-таки светилось от счастья. Си Жун едва заметно кивнул:

— Почему нет? Ты ведь так фанатеешь по Вайолету. Теперь он сам приглашает тебя в гости. Или откажешься?

— Еще чего, конечно, хочу! — Сюй Шаофэй радостно прищурился. — Но... когда ты говоришь о Вайолете в третьем лице, звучит жутко непривычно.

— Это уже в прошлом.

Сюй Шаофэй в очередной раз подивился хладнокровию Си Жуна. Ему самому было бесконечно жаль, что гениальный конструктор ушел на покой, но он уважал выбор своего соседа.

Сессия в военном филиале начиналась на неделю позже, чем в Академии Федерации, — руководство специально разводило потоки разъезжающихся студентов, чтобы не перегружать транспортные узлы планеты.

К этому времени Си Жун окончательно перешел в режим отличника, отдавая учебе все силы без остатка. Пусть выскочка Шань Ци вызывал у него лишь брезгливую досаду, гордость Си Жуна не позволяла уступить этому ничтожеству ни единого балла. Приходилось выжимать из себя максимум.

Раньше он на экзаменах разве что спал — тишина в аудиториях всегда действовала на него усыпляюще. Тогда он прекрасно знал, что в военный филиал принимают в основном за высокий ранг феромонов, в отличие от скрупулезного отбора в Академии Федерации. Поэтому на выпускных экзаменах в школе Си Жун почти не напрягался: вписывал имя, регистрационный номер, наспех набрасывал ответы в тестовой части и спокойно заваливался спать. К тому же за день до аттестации он до глубокой ночи тестировал прочность новой мехи в своей мастерской и отчаянно нуждался в отдыхе.

Но здесь, в Академии, правила диктовала жестокая конкуренция. Чтобы сохранить влияние и авторитет среди сокурсников, требовалось безупречно справляться с лавиной зачетов.

Библиотека Планеты Академии считалась крупнейшей во всем освоенном космосе: здесь хранились редчайшие бумажные фолианты и терабайты закрытых цифровых архивов, доступных лишь из читальных залов. В каждый свободный от лекций час Си Жун неизменно отправлялся туда. Часто за книгами он терял счет времени, выходя на улицу лишь глубокой ночью.

Сюй Шаофэй никогда прежде не видел, чтобы кто-то занимался с таким фанатичным упорством. Он знал, что его сосед — парень скрытный, и в школьные годы никто не замечал за

Си Жуном тяги к знаниям, однако сейчас его оценки взлетели до небес, прочно закрепив его в десятке лучших на курсе.

В кампусе то и дело шептались о его успехах. Поговаривали даже, что если бы поступил Си Жун в военный филиал, Сюй Шаофэю пришлось бы несладко в борьбе за лидерство — благо плохая успеваемость последнего по теоретическим дисциплинам ни для кого не была секретом. Тем не менее все сходились во мнении, что выбор гуманитарного направления для Си Жуна стал идеальным шагом: на политическом поприще его ждало блестящее будущее.

До Си Жуна, разумеется, долетали эти перешептывания за спиной. Поступление в Академию не было пределом его мечтаний, но после вторичной дифференциации это место стало для него единственным разумным убежищем. Перестав быть Альфой, он не собирался тешить уязвленную гордость, пытаясь всеми силами закрепиться в военном филиале ради глупого соперничества и красивых лозунгов о «сильнейшем защитнике Федерации».

Тот день, когда он проснулся Омегой, навсегда разделил его жизнь на «до» и «после», заставив свернуть на темную, нехоженую тропу. Путь этот обещал быть извилистым и тернистым, грозящим содрать кожу до крови и оставить глубокие шрамы. Но если ты намерен разрушить устоявшийся порядок вещей, тебе придется сперва подняться на самую его вершину.

И Си Жун давно принял этот вызов.

<http://bllate.org/book/18262/1753794>